

Муки тела моего

Вольтарина де Клер

Вольтарина де Клер
Муки тела моего

<https://akrateia.info/>

ru.anarchistlibraries.net

Никогда не желала я себе больше, чем вольные звери, – я хотела лишь накат волны чистого воздуха, день напролёт лежать на траве, не зная обязанностей, сквозь пальцы пропускать острия травинок, сколь угодно разглядывать арку голубого неба, разделяющую зелень и облака, пропасть на месяц – поплавать вдоль солёных гребней посреди морской пены или, скинув одежду, перекатываться с боку на бок вдоволь на залитом солнцем бескрайнем песчаном берегу, питаться тем, что я люблю, и собирать это прямо с прохладной почвы, не искать времени, чтобы насладиться сладостью плодов, и находить его, чтобы приятно отдохнуть и восстановить силы после своего угощения, спать, когда тело этого захочет, и тишину, чтобы сон покинул меня, когда моему телу это необходимо – и не раньше. Воздух, кров, легкий отдых, свобода быть одетой и раздетой, одежда, которая бы не сковывала мои движения, свобода обнимать мать-землю и быть с ней и в бурю, и под лучами солнца, прямо как вольные звери, – это то, чего я желала, – это и свобода встречаться с товарищами: не любить-лгать-быть-опозоренной, но любить и говорить «я люблю тебя»

и «рада тебе». Я хотела чувствовать, как потоки страсти десяти тысяч лет переполняют меня касанием тел о мое тело – так, как это происходит на воле. Большого я не прошу.

Но того малого у меня нет. Вот впереди меня сидит этот жалкий тиран – Душа; а я – ничто. Душа загнала меня в город; воздух его горяч и удушлив; она говорит мне: «Дыши этим воздухом! Здесь есть чему поучиться – на пустых полях учиться уже нечему. Храмы – здесь. Не покидай город». И когда мои изголодавшиеся сдавленные легкие задохнулись, моя грудь уже была готова разорваться, Душа продолжила: «Тогда позволю я тебе час или два – можешь съездить за город, почитать немного из своих книг».

И когда из глаз уже текли слёзы боли от мимолетного видения ускользающей мимо свободы, которая свелась до одного часа пребывания вне тускло-красного ужаса стен большого города и мимолетного взгляда на небо и зелень в её величии за этими стенами, Душа настояла: «Не могу тратить время впустую; я должна знать! Давай же читай». А когда мои уши просили спокойной песни сверчков, сонату ночи, Душа ответила на это: «Нет. Звонящие, свистящие и резкие звуки неприятны твоим ушам. Тебе нужно научиться прислушиваться к голосу своей души, тогда уже будет неважен шум снаружи».

Когда я раз за разом ударяюсь о свои узкие рамки из кирпича и его раствора, Душа говорит: «Жалкая рабыня! Почему ты не походишь на меня, в один миг способную переместиться в отдаленную от этого мира вселенную? Неважно, где ты, я – свободна».

Когда мне хотелось уснуть – веки сами тяжело опустились, и я не в силах была их поднять, – Душа стегнула меня хлыстом, крича на меня: «Вставай! Возьми какой-нибудь стимулятор для этих твоих расшатанных нервов! Некогда спать, пока не завершишь работу». Проклятый яд сработал, пока не исполнилась воля Души.

Когда хотела немного растянуть свой обед, Душа наказала: «Эй, поторопись! Думаешь, у меня есть время на эту отвратительную сцену? Доедай скорей и пошли уже!»

Когда я позавидовала той самой собаке, которая терлась спиной о траву, залитую лучами солнца, Душа встряла: «Ты хочешь опустить меня до уровня этих зверей?» Оковы стали еще туже.

Когда смотрела на проходящих мимо людей, хотела обнять их – страстно, голодала по рукам и губам их и их прикосновению – дико, Душа строго приказала: «Прекратить! Мерзкое ты создание плотской похоти! Позор тебе вовеки! Что, ты вечно будешь позорить меня своими животными желаниями?»

И я всегда уступала ей; была безмолвна, безрадостна, скованна; я ходила по миру, как Душа того пожелает. Я служила и не была за это вознаграждена. Сейчас я сломлена – раньше времени; обескровленная, жаждущая сна, задыхающаяся этим горячим воздухом... полуслепа уже, мои суставы ломило – чувствовался каждый упавший лист. «Наверное, я была слишком строга к тебе», – промолвила Душа, – «Отдохни». Спасение пришло слишком поздно. Да, розы теперь у меня под ногами, но их аромат я больше не чувствую. Тени ив скользят по моей щеке, над головой высокая арка из них, но глаза на неё мне сложно уже поднять. Поддувает ветер в лицо, но горло мое не выдержит его ласки. Иногда смутно слышу пение ночи, когда долго сижу и не могу уснуть, однако ответная вибрация этого пения более не взывает меня. Касание чужих рук – я томилась по ним – но сейчас я словно мертвая и бесчувственная. Помню, всего этого я хотела, но сейчас сила моих желаний исчезла, только воспоминание о моем сопротивлении не перестает пульсировать с её неутолимой болью. Мне кажется, если бы теперь могла надолго остаться наедине с собой, то... но я уже начинаю слышать своего Тирана, что

сверху; Душа хочет убить меня и ищет подходящий момент: «Да-да!», – шепчет она, – «самое время! Ах, я больше не буду прикована к её разваливающемуся телу. Если тут мне и суждено пребывать в вечном безделье, тогда можно просто потерпеть поражение. Заставлю несчастную оказать мне последнюю услугу. О, ведь ты же молила меня о своем желании скинуть одежду, провести время в воде! Тогда иди же, искупайся в море – последний раз, навечно».

Да, это слова моей Души – и вот: я и море – мы едины; мы простираемся здесь, под небесами, вместе.